

И5
X 69

Ходзинский В.А.
Г.В.Плеханов о Пушкине:
(По материалам архива Дом Плеханова) // ИДВШ. Филол. науки. - 1972. -
№3. - с. 69-76.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ**Г. В. ПЛЕХАНОВ О ПУШКИНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ДОМА ПЛЕХАНОВА)***В. А. Ходзинский*

«Пушкин. По его делу вынесли приговор, не выслушав сторон»¹, — записал Плеханов в одной из тетрадей с набросками к статье «Искусство и общественная жизнь».

Эта запись — итог глубокого и всестороннего исследования не только литературного наследия Пушкина, но и всего того, что было высказано домарксистской критикой о творчестве великого русского поэта.

Таким образом, ранняя марксистская критика в лице Плеханова заявила шестьдесят лет тому назад, что все предшествующие литературные школы и течения оказались не в состоянии дать научное объяснение творчества основоположника русского реализма в связи с общественно-политической жизнью России его времени. Даже оценка, данная Пушкину гениальным Белинским, нуждалась, по мнению Плеханова, в углублении и дополнении теми выводами, которые позволила сделать марксистская историко-материалистическая методология в литературоведении.

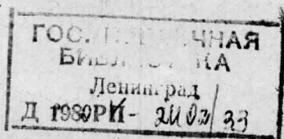
Более тридцати лет Г. В. Плеханов изучал творческое наследие гениального поэта. Свыше трехсот раз приводил он отдельные его высказывания и поэтические строки в своих работах, отстаивая активную роль искусства в преобразовании мира.

Общеизвестно, что суждения Плеханова о литературном наследии Пушкина претерпели и определенную эволюцию. Многие высказывания критика о великом русском поэте имеют конкретно-исторический смысл и определенные адресаты, так как являются отражением общественно-политической и литературной борьбы его времени. И, как уже отмечалось Б. С. Мейлахом и П. А. Николаевым, правильно понять значение того или иного суждения критика о Пушкине можно только в свете идейной борьбы конца XIX—начала XX в. Именно эта эволюция и позволяет отдельным исследователям, в зависимости от их личного отношения к литературным взглядам Плеханова, извлекать отдельные цитаты критика и представлять их как законченные научные (при таком освещении обязательно «ошибочные») выводы первого представителя доленинского этапа в марксистском литературоведении.

Научная несостоятельность подобных приемов очевидна.

Бросая упрек Плеханову, такие исследователи в качестве аргументов, как правило, ссылаются на два, по-своему понятые, высказывания критика:

Первая «грубая ошибка», как утверждают некоторые авторы, заключается в том, что Плеханов, как и в свое время его гениальный предшественник Белинский, однажды назвал Пушкина поэтом дворянского сосло-

Дом Плеханова
№ 3148 - Отт.
ИМБ. КМ. № 2

3148

вия. При этом, естественно, не указывается причина, побудившая критика заявить так, и второй «просчет» Плеханова усматривается в том, что, по его мнению, рабочие не поймут внутренних «переживаний» Онегина».

В такой ли мере неправ был Плеханов, как это представляют его оппоненты?

Думается, не случайно В. И. Ленин назвал первый период русского освободительного движения не крестьянским, а «дворянским». И это потому, что в среде лучших представителей дворянства начинался процесс пробуждения национального самосознания, процесс идейного расслоения и осознанного протеста. Именно дворянство, пусть в малом числе и ограниченной степени, но тем не менее оно, было наиболее динамичным элементом русского общества начала XIX в., и примером тому — декабристы и их преемники. Отсюда и «энциклопедия жизни», отраженная в «Евгении Онегине» сквозь призму дворянского быта. Другие сословия России в 20-е годы не могли противопоставить своего литературного героя дворянскому. И спор нельзя полагать законченным, если считать, что Плеханов ошибался, утверждая, что гениальность и народность Пушкина состоят в том, что он сумел представить «энциклопедию жизни» России в свете художественного отражения быта основного, наиболее активного сословия начала XIX в.

Относительно второго упрека, адресуемого Плеханову, замечу, что современные исследователи рассматривают сказанное Плехановым шестьдесят лет тому назад, находясь под гипнотическим и неотразимым влиянием социальной психологии нашего времени. Отсюда и известное смещение исторической перспективы: сказанное о рабочем 900-х годов рассматривается под углом широты и глубины духовных интересов современного рабочего. А ведь тогда речь шла об элементарных основах грамоты — умении читать и писать. И такому рабочему было не до внутреннего мира Онегина.

Следует заметить, что Плеханов, обращаясь к творчеству Пушкина, сумел не только выделить, но и дать верное марксистское решение наиболее сложных и спорных проблем идейного и художественного наследия поэта.

Так, например, он считал немаловажным тот факт, что в домарксистской литературе о Пушкине не было дано обоснованного и научно-аргументированного ответа на такой принципиальный вопрос, кого понимал поэт под словом «чернь», какой социальной слой общества. Не было раскрыто в сравнительно-историческом освещении и отношении поэта к теории «искусства для искусства», не говоря уже о родственных явлениях в западноевропейской литературе при аналогичных общественно-политических условиях жизни Франции 30-х годов XIX в. Замечу попутно, что Плеханов ничего не принимал на веру. Строгой научности литературных работ критика всегда предшествовал глубокий и всесторонний анализ истории русской и западноевропейской литературы и общественной мысли.

Следует заметить, что он не успел написать статьи специально о Пушкине, но сохранившиеся в его архиве заметки (их более полутора тысяч), отдельные высказывания в статьях и рукописях, а также заметки на полях сочинений поэта и многочисленных исследований о нем² позволяют получить достаточно полное представление об отношении Плеханова к Пушкину.

Плеханова, как уже было сказано выше, в значительной мере интересовала и политическая сторона творчества поэта. К ссылке на авторитет суждений и поэтических строк поэта Плеханов прибегал в полемике с

Михайловским, Тихомировым и многими другими. В поэзии Пушкина Плеханов видел высокую гражданственность и гуманизм.

Заметки Плеханова о Пушкине на полях книг и в отдельных набросках не привлекались ранее в научный обиход. Мы предлагаем только некоторые из них, главным образом те, которые позволяют проследить, насколько глубоко рассматривал критик каждую проблему, прежде чем прийти к окончательному выводу. К примеру: Плеханова интересовало, кого подразумевали под словом «чернь» знаменитые предшественники Пушкина? Он обращается к различным исследованиям. Читая отрывок из «Спасской Полести» Радищева, опубликованной А. И. Незеленовым, Плеханов, отчеркнув весь абзац и подчеркнув следующие четыре слова: «Из жени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывающую срамоту души своя позлащенными одеждами»³, записывает на полях: «Чернь (придворная)».

В «Истории русской литературы» А. Н. Пыпина Плеханов читает из Сумарокова: «Истинная чернь суть невежды, хотя бы они и великие чины имели, богатство Крезово и влекли бы свой род от Зевса и Юноны, которых никогда не бывало, от сына Филлактова, победителя или паче разорителя вселенных, от Юлия Цесаря, утвердившего славу римскую, или паче разорившего оную»⁴. Отчеркнув весь абзац и подчеркнув указанные строчки, Плеханов записал на полях: «Сравни Пушкина». Позже, читая статью Белинского «Речь о критике», то место, где автор привел этот же отрывок о черни, Плеханов отчеркивает абзац, подчеркивает строку «Истинная чернь суть невежды» и пишет на полях: «Ср (авни) Новикова, ср (авни) Пушкина»⁵.

В письме к Боткину Белинский писал: «Скучно, душа моя, хочешь заняться чем-нибудь высоким, а светская чернь не понимает»⁶. Плеханов заключает это место в скобки, отчеркивает абзац и пишет на полях: «Ср (авни) Пушкина. 45. — Чернь».

Так, опираясь на классическое наследие, Плеханов пишет о Пушкине в статье «Искусство и общественная жизнь»: «Когда поэт громит «чернь», то мы слышим в его словах много гнева, но не слышим пошлости... Поэт упрекает светскую толпу, именно светскую толпу, а не настоящий народ, стоявший совершенно вне поля зрения тогдашней русской литературы, в том, что печной горшок ей дороже, чем Аполлон Бельведерский. Это значит, что ему невыносима ее узкая практичность. Чтобы понять его, — пишет Плеханов, — нужно только принять во внимание, что эпитеты «хладный и надменный» были совсем неприменимы к тогдашнему русскому крепостному земледельцу. Но зато очень хорошо применимы к любому представителю той светской «черни», которая впоследствии своей тупостью и погубила нашего великого поэта»⁷. В этой же статье Плеханов показал, что пушкинское осуждение черни имеет прямую идейную связь с рылеевскими «Стансами».

Представляет известный интерес и плехановское объяснение причин, побудивших Пушкина обратиться к теории «искусство для искусства», тем более что эти мысли были высказаны Плехановым более полувека тому назад, в условиях ожесточенной борьбы с декадентами и модернистами. Плеханов заметил, что обращение художника к теории «искусство для искусства» не всегда могло носить реакционный характер. Он, например, заметил, что «было время, когда он не защищал теории «искусство для искусства». Было время, когда он не избегал битв, — стремился к ним... Он с негодованием восклицал тогда в своей оде «Вольность»:

Увы! Куда ни брошу взор, —
Везде бичи, везде железы,

Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений...⁸

Но после 14 декабря «сошли со сцены самые образованные и передовые представители тогдашнего общества». Это резко изменило политическое лицо пушкинского окружения, наложившего отпечаток на все его дальнейшее творчество.

«У нас, — писал Плеханов, — сильно распространена та умилительная легенда, что в 1826 г. Николай I великодушно «простил» Пушкину его политические «ошибки молодости» и даже сделался его великодушным покровителем. Но это было совсем не так»⁹. «Покровительство» это, как показал Плеханов, заключалось в том, что сам Николай, Бенкендорф и даже Жуковский стремились направить музу поэта на служение официальной морали. «Согласитесь, — писал Плеханов, — что, находясь в таком положении, неся на себе цепь такой опеки и выслушивая такие наказания, вполне позволительно было возненавидеть «нравственное величие» (слова Жуковского. — В. Х.), проникнуться отвращением ко всей той «выгоде», которую может принести искусство, и воскликнуть по адресу советников и покровителей:

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас?

Аналогичные примеры приводит Плеханов и из французской литературы 30-х годов. Но критик видит «огромное преимущество Пушкина перед такими защитниками «искусства для искусства», каким был Готье». Именно в том, что поэт смог бросить гневное «подите прочь», Плеханов видит мужество и высокую гражданственность в поэзии Пушкина.

Но, по мнению Плеханова, если обращение к теории «искусство для искусства» в творчестве Пушкина конца 20 — начала 30-х годов носило прогрессивный характер, ибо только так в тех политических условиях поэт мог защитить свободу художественного творчества, то в 40-е годы, в пору пробуждения общественного самосознания, теория «искусство для искусства» носила реакционный, охранительный характер.

Примечательно, что записи Плеханова о Пушкине разбросаны в самых различных книгах, которые хранятся в библиотеке Дома Плеханова. Так, например, в книге Пыпина о Белинском отчеркнуты следующие слова критика: «...российская действительность ужасно гнетет меня, я теперь понимаю раздражительность Гофмана при суждении глупцов об искусстве, его готовность язвить их сарказмами...». На полях Плеханов написал: «Следовало с этой же точки зрения взглянуть и на Пушкина». И на этой же странице: «...он негодует на непонимание искусства, но негодование против «филистерства» и пошлой литературы, питающей это филистерство, обращается потом против более общих явлений действительности, служащих источником того и другого». Заклучив в скобки и подчеркнув строки, Плеханов пишет на полях: «Ну а Пушкин до этого не дошел или разочаровался в этом?»¹⁰.

В отличие от некоторых современных критиков «чистого искусства» и «модернизма» Плеханов не рассматривал эти явления в искусстве и литературе как продукт духовной неполноценности. Он с марксистских позиций стремился объяснить их идеологический характер, раскрыть генезис этого явления в свете общественно-политической борьбы данного времени.

Некоторые исследователи утверждают, что Плеханов, работая над историей русской общественной мысли XVIII в., в качестве авторитетных

источников использовал только книги А. И. Незеленова, Боголюбова и др. Между тем время правления Екатерины он освещал, развивая мысли, высказанные Пушкиным.

Для примера приведем некоторые пометы Плеханова. Пушкин пишет: «Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности, и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе»¹¹. Плеханов заключил этот абзац в скобки и дважды отчеркнул на полях синим и красным карандашом.

Следующее место из Пушкина: «Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости; народ, угнетенный наместниками; казну, расхищенную любимцами; покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее от славной памяти от (нарекания) России»¹². Плеханов отчеркнул весь текст синим карандашом, а простым заключил его в скобки.

По мере возрастания интереса Плеханова к рассуждениям Пушкина становится больше и помет на полях его книги: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первый луч его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь, Княжнин умер под розгами, и Фон-Визин, которого она боялась, не избежал бы той же участи, если бы не чрезвычайная известность»¹³. Плеханов, отчеркнув на полях и заключив текст в скобки, подчеркивает: «Княжнин умер под розгами».

Особое внимание Плеханова привлек следующий отрывок: «Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие. «Наказ» ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Троянами. Но, перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от справедливого негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и короне: он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна»¹⁴. Заключив в скобки текст и отчеркнув на полях двумя цветными карандашами, Плеханов ставит: «NB».

Эти мысли Пушкина получили блестящее марксистское развитие в третьей книге «Истории русской общественной мысли» Плеханова. Особенно ярко показана критиком лицемерная роль Екатерины в удушении малейших проявлений демократической мысли.

В другой книге, читая написанное Пушкиным о Радищеве¹⁵, Плеханов, отметив на полях соответствующие места, записал свои замечания по поводу прочитанного на отдельных листах. Приведем некоторые из этих заметок: «По Пушкину выходит, что Радищев написал «Путешествие» под влиянием «мартинистов». NB (Сочинения, 362, VI)»¹⁶. «По мнению Пушкина — Рад(ище)ва «Путешествие» — сатирич(еское) воззвание к возмущению (VI, 391)»¹⁷. «Отзыв Пушкина о «Путешествии» — умнее отзыва Сухомлинова. NB»¹⁸.

Представляют известный научный интерес некоторые из заметок Плеханова об отношении его к конкретным литературным явлениям в творческой биографии Пушкина. Пыпин в «Истории русской литерату-

ры» привел отрывок из письма поэта 1822 г. о «Кавказском пленнике»: «...Вы видите, — писал поэт, — что отеческая нежность не ослепляет меня насчет Кавказского пленника, но, признаюсь, люблю его, не зная сам за что: в нем есть стихи моего сердца». В письме 1821 г., продолжает Пыпин, он («Пушкин» — дописывает Плеханов над строкой карандашом. — В. Х.) говорит об основной мысли поэмы: «Я в ней хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века». Отчеркнув текст на полях и заключив в скобки, Плеханов пишет на полях: «NB». Сравни Мюссэ»¹⁹. Как видим, критик рассматривает это высказывание Пушкина шире рамок национального явления. Глубокий знаток европейской литературы, Плеханов считает, что поэт подметил типичное явление для европейской молодежи 20-х годов, привлекавшее внимание и других художников. Примечательно и то, что Плеханов первый из исследователей-марксистов попытался рассматривать развитие русской литературы вне рамок национальной ограниченности и видел в Пушкине художника, стоявшего вровень с общечеловеческими гениями.

Пыпин приводит письма Пушкина к разным лицам по поводу его работы над романом «Евгений Онегин» и, в частности, отрывок письма Вяземскому от ноября 1823 г.: «Я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница. В роде «Дон-Жуана»; «но он негодовал потом, — писал Пыпин, — что друзья находили в этом романе влияние Байрона. Вместе с тем, он восставал против тех, кто находил в «Евгении Онегине» сатиру». И Пыпин цитирует отрывок еще из одного письма Пушкина: «Где у меня сатира? — писал он Бестужеву в марте 1825 г. — О ней и помину нет в Евгении Онегине. У меня бы затрещала набережная, если бы я коснулся сатиры»²⁰. Плеханов подчеркнул в тексте все строки Пушкина и, заключив их в скобки, отчеркнул весь абзац и написал на полях: «NB».

В другом месте Пыпин делает попытку разобраться в мировоззрении поэта: «Колебания Пушкина, — пишет он, — были именно колебаниями не мыслителя, а художника, который не разрешал теоретических вопросов, но увлекался движениями чувства, был способен заразиться благородным энтузиазмом, дать ему высокое поэтическое выражение, но в других условиях мог откликнуться и на другие мотивы, — в обоих случаях искренно и сохранив теплое сочувствие к тем «падшим» идеалистам, дело которых стало для него чуждо, но в которых он продолжал ценить самоотверженное убеждение. Подобное колебание мы встречаем в еще более возвышенной области — в области идей религиозных»²¹. Плеханов отчеркивает весь текст, подчеркивает строки, ставит знак «?», а на отдельном листе пишет: «Гм. Вот так вывод. Не поним (ает) су (ти)».

Но Плеханов не все отрицал из того, что говорил Пыпин о Пушкине. Отдельные его замечания он предполагал использовать в полемике с идейными противниками марксизма. Вот некоторые характерные примеры: «Байрон умер, — писал Пыпин, — Пушкин судит уже спокойно об этом властителе его дум, и его значение для Пушкина можно определить его собственными, позднее сказанными словами: «Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения. Он окончательно вступил на самостоятельный путь»²². Отчеркнув на полях и заключив пушкинский текст в скобки, Плеханов пишет на полях: «Наш (им) критикам».

В очерках о Пушкине П. Е. Щеголев писал о влиянии пушкинского творчества на жизнь, которая в свою очередь влияла на создание его ге-

роев. Плеханову представлялось весьма характерным это замечание Щеголева: «Таким образом, литература, — писал Щеголев, — создавая героев, прежде всего влияла на жизнь, вызывая подражание в фактической жизни. И когда Пушкин переходил от повседневной жизни к творчеству, ему не нужно было прибегать к внешним заимствованиям для изображения своего героя»²³. Заклучив в скобки и отчеркнув текст, Плеханов отметил на полях: «Это очень часто бывает», а на указанном листе записал: «Поэт знает жизнь».

Плеханов находил много общих черт в понимании роли творчества Пушкина и Белинского их современниками. И заметка на полях книги Пыпина лишний раз подтверждает эту мысль: «Литературная судьба сверстников, его переживших, может в значительной степени служить указателем течения литературы в обычных условиях того времени: они хранили пушкинское предание лишь в тех размерах, в каких способные были его воспринять; предоставленные самим себе, они (за редким исключением) не в состоянии были понять того литературного движения, которое наступило уже вскоре после смерти Пушкина, в сороковых годах»²⁴. Плеханов заключает в скобки текст, отчеркивает его и пишет на полях: «Это можно сказать и об авторе». Ср (авни) «друзей Белинского». Позже Плеханов развил это замечание в работах о Белинском. Национальные традиции в творчестве Пушкина и тематическая связь его с классическим наследием прошлого были предметом искреннего интереса Плеханова. Так, например, читая отрывки из сатир Кантемира, Плеханов отчеркивает на полях несколькими цветными карандашами следующее место: «Как пес басенный кусок с зуб опустил мяса? Добродетель лучшая есть наша украса. Тишина ума над ней, и своя мне воля всего драгоценнее...»²⁵. Подчеркнув красным карандашом «и своя мне воля всего драгоценнее», Плеханов записал: «Ср (авни) Пушкина: «На свете счастья нет».

В «Путешествии» Радищева Плеханов выделяет следующее место в главе «Чудово»: «Теперь я прощусь с городом навеки, не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие грызть друг друга; отрада их томить слабого до издыхания и раболепствовать перед властью»²⁶. Заклучив в скобки, подчеркнув все строки и отчеркнув на полях текст, Плеханов помечает «NB» и пишет: «Ср (авни) Пушкина: «Цыгане» и народников».

Мы ограничились только несколькими примерами, а подобных сопоставлений с Пушкиным у Плеханова десятки. Настоящей публикацией мы не ставим перед собой задачу осветить тему «Плеханов о Пушкине», а только стремимся привлечь внимание исследователей к совершенно нетронутому материалу, позволяющему глубже понять отношение ранней марксистской критики доленинского этапа к наследию гениального поэта.

Детальный анализ всех плехановских заметок о Пушкине — мыслителе и художнике позволяет нам предположить, что он намеревался в будущем написать отдельную работу о великом русском поэте, но смерть не дала ему осуществить этот замысел.

¹ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Дом Плеханова. Архив Дома Плеханова (далее: А Д П), ед. хр. Т. 66, л. 3.

² Приведем некоторые из сочинений А. С. Пушкина и исследований о его творчестве, содержащие пометы Г. В. Плеханова: А. С. Пушкин, Сочинения. Дневники. Заметки. Исторические статьи и различные заметки, Спб., 1887 — Библиотека Г. В. Плеханова (в дальнейшем — БП), ед. хр. Д. 6312; А. С. Пушкин, Сочинения и письма, Спб., 1904—1905, т. 6 и 7 — БП, ед. хр. Д. 6311; Материалы для биографии А. С. Пушкина и письма его к Рылееву, Вестужеву и другим, Цюрих, 1875 — БП, ед. хр. Д. 6310; П. Е. Щеголев, Пушкин. Очерки, Спб., 1912 — БП, ед. хр. Д. 6225; В. В. Калаш,

- Загадочное стихотворение Пушкина, Спб., 1909 — БП, ед. хр. 6160; А. Н. Пыпин, История русской литературы, т. IV, Спб., 1907 — БП, ед. хр. Д. 6195.
- ³ А. И. Незеленов, Литературные направления в екатерининскую эпоху, Соч., т. 4, Спб., 1889, стр. 328 — БП, ед. хр. Д. 6186.
- ⁴ А. Н. Пыпин, История русской литературы, т. 3, Спб., 1899, стр. 466 — БП, ед. хр. Д. 6193/3.
- ⁵ В. Г. Белинский, Собр. соч., Спб., 1911, стр. 498 — БП, ед. хр. Д. 6236/2.
- ⁶ А. Н. Пыпин, Белинский, его жизнь и переписка, т. 2, Спб., 1876, стр. 45 — БП, ед. хр. Д. 6197/2.
- ⁷ Г. В. Плеханов, Избр. филос. произвед. в 5 т., т. 5, М., 1958, стр. 715, 739.
- ⁸ Там же, стр. 691.
- ⁹ Там же, стр. 692.
- ¹⁰ А. Н. Пыпин, Белинский, его жизнь и переписка, т. 2, Спб., 1876, стр. 40 — БП, ед. хр. Д. 6197/2.
- ¹¹ А. С. Пушкин, Сочинения. Дневники. Заметки. Исторические статьи, Спб., 1887, стр. 20—21 — БП, ед. хр. Д. 6311/2.
- ¹² Там же, стр. 22—23.
- ¹³ Там же, стр. 24.
- ¹⁴ Там же, стр. 25.
- ¹⁵ А. С. Пушкин, Сочинения и письма, Под редакцией П. О. Морозова, Спб., 1904—1905, т. 6 — БП, ед. хр. Д. 6311/6.
- ¹⁶ Архив Г. В. Плеханова, ед. хр. Р. 40. 3е, л. 5.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ А. Н. Пыпин, История русской литературы, т. 4, Спб., 1907, стр. 39 — БП, ед. хр. Д. 6195/4.
- ²⁰ Там же, стр. 392.
- ²¹ Там же, стр. 368.
- ²² Там же, стр. 393.
- ²³ П. Е. Щеголев, Пушкин. Очерки, Спб., 1912, стр. 100 — БП, ед. хр. Д. 6225.
- ²⁴ А. Н. Пыпин, История русской литературы, т. 4, Спб., 1907, стр. 420 — БП, ед. хр. Д. 6195/4.
- ²⁵ Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов, Ред. С. А. Венгеров, Спб., 1893, стр. 35 — БП, ед. хр. Д. 17071.
- ²⁶ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Спб., 1905, стр. 25 — БП, ед. хр. Д. 6338.

г. Константиновка Донецкой области

3148

205

~~45~~
X-69.

ОТТ.

3148

Инд. Кн. №.